

ных, вдохновлял не только возвышенную душу поэтов, но волновал умы и сердца каждого простого, как принято говорить теперь, человека, который всегда немного ученый и немного поэт. За последние полвека Пулковские высоты трижды становились последним рубежом защитников Красного Петрограда, защитников нашего Ленинграда. Военные историки объяснят это, вероятно, тем, что эти высоты, господствующие над здешней местностью, чрезвычайно важны с тактической точки зрения. Это, конечно, так. Но я возьму на себя смелость утверждать, что красногвардейцы семнадцатого, красноармейцы девятнадцатого, солдаты и народные ополченцы сорок первого не могли отдать врагам звездную столицу своей страны, хотя в подавляющем большинстве они, возможно, и не интересовались астрономией.

По стечению обстоятельств, которые можно, конечно, назвать случайными, в тот день, когда я был на Пулковских высотах, по околоземной орбите кружила первая в мире космическая станция. Вечером того же дня я видел по телевизору космонавта

Елисеева, который с совершенно будничной расторопностью выполнял свои космические работы. На глазах моего поколения астрономия стала совсем земным делом.

УТРОМ восьмого дня Октябрьской революции в Пулково приехал Джон Рид, американский журналист с удостоверением военно-революционного комитета Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. Перед ним «открывался великолепный вид на огромную серую, как безветренное море, равнину с нависшими над ней тяжелыми тучами; все дороги были полны людскими толпами, направлявшимися из столицы». «Дома, стоявшие у перекрестка, были пробиты пулями, а земля была затоптана и превращена в грязь на полмили кругом. В этом месте произошел ожесточенный бой... Поблизости кружили голодные казачьи кони без всадников в тщетных поисках корма: вся трава на равнине уже давно сошла. Прямо перед нами какой-то неловкий красногвардеец пытался сесть на одного из коней, но все время падал, что по-детски за-

бавляло многотысячную толпу простых людей».

«Что случилось? — думал Рид. — Всего два дня назад по окрестностям Петрограда бесцельно бродили беспорядочные, лишенные руководителей команды. У них не было ни продовольствия, ни артиллерии, ни какого бы то ни было плана действий. Что сплотило эти массы красногвардейцев и солдат, у которых не было ни организации, ни навыков воинской дисциплины, ни офицеров, в армию, подчиняющуюся своему выборному командованию, способную выдержать и отразить удар артиллерии и казачьей конницы?»

Восставший народ по-своему отбрасывает прочь военные шаблоны. Никогда не будут забыты одетые в лохмотья армии французской революции, победители при Вальми и Вейсбурге. Против Советов соединились юнкера, казаки, дворяне, помещики, черносотенцы, а за ними уже снова маячили царь, охранка, сибирские рудники и, наконец, безграничная и страшная угроза со стороны немцев... Победа, выражаясь словами

Карлейля, означала «Торжество и Золотой век без конца».

Конечно, путь до Золотого века гораздо дольше, чем казалось в тот момент. Но, размышляя таким образом, Джон Рид был прав в главном. И он не мог не вспомнить речь Ленина, произнесенную на совещании полковых представителей Петроградского гарнизона.

Ленин сказал: «Попытка Керенского — это такая же жалкая авантюра, как попытка Корнилова. Но момент теперь трудный. Необходимы энергичные меры к упорядочению продовольствия, к прекращению бедствий на войне. Мы не можем ждать и не можем ни одного дня терпеть восстания Керенского. Если корниловцы организуют новое наступление, им будет отвечено так, как сегодня ответили на восстание юнкеров. Пусть юнкера пеняют на себя. Мы взяли власть почти без кровопролития. Если были жертвы, то только с нашей стороны. Весь народ именно той политики желал, которую ведет новое правительство. Оно взяло

(Окончание на 12—13-й стр.)